

ПАМЯТИ
А. П. ЧЕХОВА

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ РОСС. СЛОВЕСНОСТИ.

1906.

I. Въ сумерки.—II. Изъ воспо-
минаній объ А. П. Чеховѣ.

В. Ладыженскій.

Въ сумерки.

(Дорогой памяти А. П. Чехова.)

Въ свѣжій осенній день, усталый, я возвращался домой по степи. Поблекшая трава изрѣдка дрожала отъ набѣгавшаго вѣтерка и казалось, что ей было холодно, страшно холодно. Впереди, въ оврагѣ вилась безъимянная рѣчка, и на изгибахъ блестяла стальной, холодной чешуей, въ которую некому уже было глядѣться: сторожевые камыши умерли, далекая синева неба помутнѣла въ наступавшихъ сумеркахъ, а одинокая рѣчка шла впередъ, какъ путникъ, передъ которымъ нѣтъ никакой цѣли. И я шелъ впередъ, замедляя отъ усталости шагъ, и холодное одиночество вмѣстѣ съ надвигавшимися сумерками охватывало меня все больше и больше. Глазу не на чемъ было остановиться въ пустой и непріютной степи съ ея дрожавшей травой. Вдругъ гдѣ-то далеко, далеко, что-то застучало и смолкло, и я долго прислушивался къ умиравшимъ въ воздухѣ звукамъ. Потомъ опять застучало, и похоже было на то, что кто-то колотитъ по застывшей землѣ палкой. Я остановился и сталъ вгля-

дываться. Что-то большое съ неуловимыми очертаніями надвигалось на меня по дорогѣ, а стукъ переходилъ въ ровный и непрерывный грохотъ.

— Да это кто-то ѣдетъ на телѣгѣ, сообразилъ я и по-сторонился.

Мужикъ въ рваномъ полушубкѣ ѣхалъ, стоя на телѣгѣ, и размахивалъ концами возжей, которые тяжело шлепались по бокамъ его потной кляченки. Онъ гналъ куда-то въ степь, торопясь, и неизвѣстно зачѣмъ, поровнявшись со мной, крикнулъ:

— Держись, баринь!

И опять я слушалъ, какъ умиралъ стукъ въ пустой степи, и смотрѣлъ, какъ обрывки тучъ, все время заслонявшіе угасавшее солнце, въ недосыгаемой вышинѣ гнались за исчезнувшимъ въ степи мужикомъ. Стукъ, наконецъ, замолкъ и стало почему-то еще непріятнѣе... Я прибавилъ шагу. Слава Богу, недалеко и домъ. Вотъ и роща на краю оврага. Но какая она теперь угрюмая, суровая и строгая со своими полубувалившимися листьями! Здѣсь внизу тихо, такъ тихо, какъ въ покинутомъ храмѣ, и только вверху идетъ сдержанный, точно негодующій ропотъ. Я присѣлъ на завалинкѣ лѣсной избушки рядомъ со старикомъ-караульщикомъ. Старикъ смотрѣлъ куда-то вдаль, въ степь, и молча жевалъ сморщеннымъ, беззубымъ ртомъ. Долго сидѣли мы молча, и каждый былъ занятъ своими, совсѣмъ чужими другъ другу мыслями. Вдругъ на самомъ краю горизонта, прорвавъ тучи, вспыхнуло солнце. Холодное, умиравшее, какъ все кругомъ, оно на нѣсколько минутъ бросило яркіе блики на степь, а въ рощѣ надъ нашими головами, какъ живое, зашевелилось червонное золото листьевъ. На противоположномъ берегу оврага освѣтилось село; стали видны и высокіе журавли колодцевъ, и лохматыя, почернѣвшія отъ дождя и времени крыши избъ, и кучи свѣжей соломы на гумнахъ. Женскій визгливый голосъ запѣлъ было пѣсню, но скоро оборвался, точно конфузясь. И солнце по-гасло... О, какой холодный, жуткій мракъ наступилъ

сразу! Исчезли очертанія села, оврага и рощи, и мракъ торжествовалъ свою побѣду въ пустой, холодной, непріютной степи.

— Скучно, дѣдушка! проговорилъ, наконецъ, я.

— Что за скука. Кака така скука! отвѣчалъ онъ, нѣсколько помолчавъ.—Кончилось наше времячко, на полати пора на всю зиму — вотъ что. Только бѣдно больно вездѣ, ахъ какъ бѣдно! Бѣдность, ну и извѣстно—грязь, вѣнь и все такое. Бѣдно, а ты говоришь—скука!

Мы еще посидѣли немного и я побрелъ въ свой пустой, одинокій домъ, торопясь къ уютному свѣту рабочей лампы. Но не спорилась у меня въ этотъ вечеръ работа, и не могъ я къ ней приковать своихъ мыслей...

Съ фотографической карточки на письменномъ столѣ глядитъ на меня твое лицо,—милый, дорогой, ушедшій навсегда другъ. Въ моей памяти живы и всегда будутъ жить твои рѣчи, твой короткій смѣшокъ и выраженіе твоихъ глазъ—то грустныхъ и тоскующихъ, то вспыхивавшихъ искрами могучаго, непобѣдимаго юмора. Ты любилъ жизнь и ушелъ изъ нея, какъ яркій солнечный лучъ. Встрѣтивъ сумерки жизни, ты осмыслилъ ихъ и воплотилъ въ неувыдающихъ образахъ. Но какъ ты вѣрилъ, какъ мы все вѣрили въ твой призывъ къ жизни красивой, изящной и умной! Вѣдь она придетъ же къ намъ, эта жизнь! И угасая на далекой чужбинѣ, не даромъ же ты сравнивалъ чужую жизнь съ своей родной, не даромъ твоя умиравшая мысль билась такой горячей, страстной любовью къ родной сторонѣ. Только зачѣмъ, зачѣмъ такъ рано красивые цвѣты, лавровые вѣнки и вѣнки изъ вишневыхъ листьевъ, сорванные и сплетенные для тебя твоей родиной, — достались твоей могилѣ?... Съ фотографической карточки на письменномъ столѣ глядитъ на меня твое лицо, милый, дорогой другъ... Я по прежнему, но теперь уже мысленно, бесѣдую съ

тобой, и тихо теплится моя одинокая рабочая лампа. А за окномъ давно уже кончились сумерки и стоит молчаливая, холодная ночь. И мнѣ кажется, что я разгадалъ ея думы: она ждетъ. Ей страстно хочется одного,—разсвѣта и солнца, яркаго, горячаго солнца...
